

УДК 94(470.342)“17/18”

Т. А. Васина

Старообрядцы Омутнинского завода Вятской губернии в дореформенный период (конец XVIII — первая половина XIX века)

В статье рассматривается положение старообрядцев в Российской империи в дореформенный период на примере Омутнинского завода Вятской губернии, одного из частных предприятий горного ведомства. Заводской поселок отличался превалированием староверов в структуре населения и в Камско-Вятском регионе был одним из центров раскола. Основное внимание уделяется изменению условий жизни раскольников в Омутнинске в контексте общей конфессиональной и семейной политики. В результате анализа архивных документов автор приходит к выводу, что старообрядцы, трудившиеся на производстве, относились к социальной категории крепостных заводских крестьян и принадлежали преимущественно к беспоповщине. В XVIII и начале XIX века, в период формирования кадров уральской горнозаводской промышленности, положение раскольников было относительно удовлетворительным, поскольку заводладельцы нуждались в притоке рабочей силы, но ужесточение государственной политики по отношению к сектантам в период правления Николая I привело к ухудшению обстоятельств жизни старообрядцев горного ведомства.

Ключевые слова: Вятская губерния, горное ведомство, горнозаводское население, Омутнинский завод, старообрядчество, конфессиональная политика, семейная политика.

История раскола в отечественной историографии достаточно давно стала объектом научного интереса. В центре внимания исследователей находится старообрядчество разных эпох и регионов, рассматриваются отдельные аспекты темы — картина мира раскольников, домашний уклад, книжная культура, взаимодействие с православной церковью и государством и т.д. [18]. Уральские ученые, в частности, изучают старообрядцев в качестве составной части горнозаводского населения — социального слоя, сформировавшегося на базе горнозаводской промышленности [2, с. 95; 9; 10; 13; 20]. Данная статья продолжает сложившуюся традицию исследования старообрядчества и посвящена Омутнинскому чугуноплавильному и железоделательному заводу Глазовского уезда Вятской губернии, одному из крупных центров распространения раскола в Камско-Вятском регионе. Предмет исследования составляют крепостные заводские крестьяне-старообрядцы, трудившиеся на производстве. В работе поставлена цель проанализировать положение старообрядцев на частном предприятии горного ведомства в дореформенный период, в связи с чем освещаются следующие вопросы: истоки формирования рабочих кадров, рост численности староверов, условия их жизни в Омутнинске в русле общей конфессиональной и семейной политики Российской империи. В качестве основного исторического источника используются материалы Государственного архива Кировской области (ГАКО). Выявленные документы позволяют на локальном примере уточнить сведения о положении раскольников на частных предприятиях горнозаводской промышленности.

В конце XVIII — первой половине XIX века старообрядцы были одним из источников формирования заводских кадров Камско-Вятского региона. Так, в поселке при Пудемском железоделательном заводе в 1848 г. числилось 5 человек обоего пола раскольников и 75 единоверцев (всего 11,2% жителей), при Камско-Воткинском железоделательном в 1855 г. — 122 старообрядца и 126 единоверцев (2,0% населения), при Ижевском оружейном и железоделательном в том же году — 187 и 170 человек соответственно (1,8%) [5, л. 39 об.; 21, л. 27; 28, л. 11—14].

Наиболее многочисленная община сложилась при Омутнинском заводе, основанном в 1775 г. на р. Омутной уральским промышленником И. П. Осокиным. В статистиче-

© Васина Т. А., 2017

ском описании 1848 г. отмечалось: «...В Омутнинском заводе находятся раскольники поморской секты, не приемлющие священство и не молящиеся за Царя. Детей они своих сводят браками сами, новорожденных погружают и умерших отпевают тайно» [5, л. 40].

Первые рабочие-старообрядцы были переведены в Омутнинск заводомладельцем с других предприятий, большей частью с Иргинского завода Пермской губернии, который являлся одним из центров раскола на Урале¹. В духовных росписях (исповедных ведомостях) Николаевской церкви с. Красноглинского, к приходу которой первоначально относился Омутнинский завод, раскольники указывались отдельно — в «реестре крепостных людей Осокина, расположенных в двойном окладе». В 1791 г. таких насчитывалось 14 человек, в 1800 г. — 15, в 1810 г. — 25, в 1820 г. — 23 (в среднем 3,0% прихожан, без учета смешанных семей) [23, л. 14—20 об.; 24, л. 1365—1374; 25, л. 1501—1511 об., 1513; 26, л. 267—281 об.]. В дальнейшем рост численности старообрядцев продолжался, в 1837 г. оформилась единоверческая община, в 1838 г. освящена единоверческая Петропавловская церковь [11]. По данным на 1848 г., в Омутнинском заводе насчитывалось уже 1290 человек обоого пола раскольников поморской секты (60,3% населения) и 605 единоверцев (28,3% жителей). Все они были крепостными заводскими крестьянами («на помещичьем праве») [5, л. 39]. К концу XIX в. здесь проживали около 5 тыс. человек — православные, единоверцы и раскольники, причем число последних трудно поддавалось учету (около половины населения, 5—6 общин, по сведениям М. К. Селивановского) [17].

Отношение государства к старообрядцам, по определению А. А. Машковцева и В. В. Машковцевой, представляло собой чередование жестких карательных акций с мерами увещательного характера [14, с. 31]. Периоды правления Павла I и Александра I характеризовались некоторыми уступками: в 1800 г. было создано единоверие, в 1822 г. запрещено разрушать старообрядческие молельни; поповской общине разрешалось иметь священнослужителей. Но, как отмечают исследователи, вступление на престол Николая I прервало процесс либерализации конфессиональной политики правительства [14, с. 32]. В соответствии с постановлением от 9 октября 1842 г. раскольнические секты были разделены на три группы по степени их вреда: «вреднейшие» (субботники, молокане, духовборцы, хлысты, скопцы и течения в беспоповщине, отвергавшие таинство брака и молитву за царя); «вредные» (беспоповцы, которые признавали венчание и молились за царя); «менее вредные» (поповщина). В сторону ужесточения изменилось законодательство: ограничивалось избрание старообрядцев на общественные должности; не признавались законными браки раскольников и дети, рожденные в них; духовным наставникам запрещалось именоваться священниками; не разрешалось строить новые и ремонтировать старые молитвенные дома и т.д. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., виновные в распространении раскольнического вероучения приговаривались к лишению гражданских прав и ссылке на поселение; «уклонившиеся в раскол» направлялись для «увещания» (убеждения) к духовному начальству; староверы, повторно уличенные в «совращении в раскол» православных, ссылались в Закавказский край или в отдаленные места Сибири [14, с. 32—34; 19, с. 217—220]. При этом формально старообрядцы наказывались не за вероисповедание. В частности, Устав о предупреждении и пресечении преступлений (том XIV Свода законов Российской империи) утверждал: «...Раскольники и лица, исповедующие неправославное и даже нехристианское учение, не преследуются за мнения о вере, им строго запрещается только распространять свои религиозные убеждения между другими, под каким бы то видом ни было, а равно укло-

¹ В свою очередь, на Иргинский завод старообрядцы поступили из губерний Московской, Санкт-Петербургской, Архангелогородской, Казанской, Сибирской, но большей частью — Нижегородской [1; 12; 15, с. 38—39].

няться от исполнения общих... правил благоустройства, обязанностей службы и требований дисциплины» [22, л. 24—24 об.].

В период интенсивного развития горнозаводской промышленности скрывавшиеся от государства старообрядцы пополняли кадры рабочих. Как отмечал Р. Попов, «ища только свободы исповедания старой веры, раскольники находили на заводах полную возможность нестесняемо следовать старой вере; присущий же им дух корпоративности делал их положение относительно очень удовлетворительным», за исключением потери личной и экономической свободы (превращения в крепостных) [16, с. 329]. Омутнинский единоверческий священник С. Белопухов в 1848 г. докладывал Вятской духовной консистории, что с расколом здесь трудно бороться, поскольку на старообрядцев распространялись все права рабочих и служащих горного ведомства: заводская администрация де-факто признала не оформленные в церкви «сводные браки» (выдавала таким семьям провиант, не препятствовала совместному проживанию мужа и жены, позволяла строительство домов), «закоренелые раскольники» нередко занимали руководящие должности и т.д. [7, л. 49—50 об.].

Тем не менее в 1840-х гг. положение старообрядцев ухудшилось. В 1845 г. в Омутнинском заводе была закрыта старообрядческая часовня, а книги и другие предметы богослужения переданы в единоверческую церковь [6, л. 44]. В том же году Главный начальник горных заводов Уральского хребта В. А. Глинка подтвердил запрет домашнего обучения детей раскольников [6, л. 9—9 об.], а также приказал всем горным начальникам и заводским исправникам следить за «монашествующими» раскольниками, «и если кто-либо из них будет замечен в малейшем отступлении от установленных правил благоустройства, и если такие люди появятся из посторонних видов, тотчас их преследовать и доносить о том мне» [6, л. 15]. По повелению императора от 25 октября 1847 г. особые правила о выборах государственных крестьян на должности мирского управления (содержавшиеся в Уставе о службе по выборам Свода законов Российской империи 1842 г.) были распространены на частные горные заводы таким образом, что старообрядцы в течение трех лет смещались со всех должностей «с правом начальства или власти» (заводских управляющих, приказчиков, их помощников, смотрителей работ, полицейских надзирателей, старшин, вальдмейстеров, караванных приказчиков и т.п.) [7, л. 2—3].

Дела о старообрядцах, открыто следовавших своим убеждениям, рассматривались в судебном порядке. Например, в 1843—1847 гг. в Глазовском уездном суде находилось дело крепостных мастеровых Омутнинского завода И. Птицына, И. Кузнецова и А. Толстошеина. За распространение раскола, а также за отзывы «в неприличных выражениях» о православном духовенстве заводской управляющий просил выслать неблагонадежных мастеровых в Сибирь. И. Птицын, уже находясь под следствием, в 1845 г. повторно был обвинен в «совращении» единоверцев в раскол, поэтому приговорен к высылке на поселение в Закавказье или к назначению солдатом в Отдельный Кавказский корпус (в случае годности к военной службе). В отношении И. Кузнецова и А. Толстошеина окончательное решение должен был принять заводовладелец, который обладал полномочиями наказывать своих крепостных заводских рабочих: согласно Уставу о предупреждении и пресечении преступлений, помещик для «удержания крепостных людей в повиновении» мог употреблять «домашние средства исправления и наказания» (телесные наказания без права увечья), отдавать крепостных в рекруты или «удалять из своего имения» за дерзость, побеги и иные преступления [7, л. 24—26 об.].

Семейная политика государства и православной церкви в изучаемый период была направлена на поддержку семьи и устранение ересей, «внушающих отвращение от законных браков, разврат и скопление» [27, л. 13]. По высочайшему повелению от 28 апре-

ля 1839 г. раскольники, не пожелавшие узаконить «сводный брак» в православной или единоверческой церкви, не признавались мужем и женой, им запрещалось совместное проживание. В ревизских сказках супруги-старообрядцы указывались отдельно. В частности, секретное предписание Вятской духовной консистории от 22 июля 1850 г. гласило: «По случаю производства в текущем году 9-й народной переписи Государь Император в 10-й день июня Высочайше повелеть соизволил: жен и детей раскольников, приемлющих священство, показывать таковыми в ревизских сказках на основании полицейских свидетельств или обывательских книг, не требуя в сем случае других доказательств о действительности браков тех женщин и о законности происхождения детей их, в отношении же раскольников беспоповщинской секты, кои брак вовсе отвергают и имеют детей, прижитых вне брака, то таковых детей на основании тех же полицейских свидетельств или обывательских книг показывать по ревизии в семействах раскольников незаконнорожденными, а матерей их, по случаю отвержения ими брака, женами раскольников беспоповщинской секты не записывать, а вносить в списки тех семейств, к которым они принадлежат по рождению» [4, л. 1].

Соответственно в ревизских сказках Омутнинского завода за 1850 г. в семьях «вечноотданных» и крепостных людей не были отмечены супруги (жены и снохи), вступившие в брак по раскольническому обряду, а дети показаны при своих матерях незаконнорожденными [3, л. 109—177].

По мнению духовенства, сожительство старообрядцев без венчания оказывало отрицательное влияние на православных и единоверцев. В очерке М. К. Селивановского проводились аналогичные параллели между распространением в Омутнинском заводе раскола и увеличением разврата и числа разводов (в связи с непрочностью старообрядческих союзов и легкостью их расторжения) [17]. В целом, как отмечала С. В. Голикова, «получившие в XIX в. широкое распространение у приверженцев нескольких старообрядческих толков сводные браки до указа о веротерпимости 1905 г., который уравнивал всех староверов при заключении браков в правах с лицами инославных исповеданий, не признавались властями. Поначалу супругов насильно разлучали, ссылали, даже заключали в тюремные замки. Однако количество сводных браков, как и разбирательств по ним, росло» [8, с. 45].

В Омутнинском заводе большое число «сводных браков» было выявлено в ходе расследования 1843—1846 гг. [15, с. 43—44]. Об одном из таких супружеств полицейский надзиратель И. Горбунов докладывал заводской конторе в 1845 г.: «Имею честь сей канторе донести, сего генваря в 4-е число свелся беззаконным сводным браком из мастеровых Евлантей Егоров Копылов с девкой из принадлежащих к единоверческой церкви с прихожанкою Анною Самсоновой Столбовой. Сводители их были с женихову сторону отец Егор Копылов и мать Парасковья Алексеева, с невестину сторону мать Татьяна Игнатьева по муже Столбова... о чем представляю для донесения куда следует» [6, л. 1—1 об.].

Подобные сообщения отличались регулярностью: так, в дальнейшем в матримониальный союз вступили В. Мячев и У. Саватеева, И. Нижегородов и М. Ворошина и другие [6, л. 3, 10]. Только во второй половине 1847 г., по сведениям единоверческого священника С. Белопухова, в Омутнинском заводе было заключено 23 «сводных брака», которые совершались под влиянием ранее судимых «сводителей и соблазнительей» З. Курбатова и Е. Чадаева. Первый отбыл тюремное заключение за «сворачивание» раскольников поповского толка в поморскую секту и за публичное моление в своем доме в 1840 г., а второй в 1843 г. был осужден за толкование канонов Кормчей книги. Вина З. Курбатова и Е. Чадаева, по мнению единоверческого священника, заключалась в том, что они проповедовали и распространяли учение беспоповщины; «сведя» своих детей, первые

подали пример «сводным бракам», в которые нередко вступали и несовершеннолетние (16—17-летние юноши), таким образом, деятельность этих «закоренелых раскольников» служила «соблазном» для православных и единоверцев [7, л. 44—44 об.]. К примеру, жители Омутнинского завода П. Шутов и его жена Мавра считались единоверцами (перешли в единоверие в 1840 г.), двух сыновей они женили на православных девушках, одного — на единоверке (венчаны в православном и единоверческом храмах), но уже в 1847 г. дочь «по-раскольнически свели» с крепостным раскольников поморской секты [7, л. 45—45 об.]. С. Белопухов провел «увещевание» старообрядцев, но они по «грубости и закоснелости» отказались венчаться в церкви, «ссылаясь на прежние сводные браки, имеющие свободную и предводительную жизнь» [7, л. 49—50 об.].

Главный начальник горных заводов Уральского хребта, изучив в 1848 г. поступавшие из Омутнинского завода и Вятской духовной консистории сведения, предписал: «...Над этими раскольниками как оглашаемыми особенно во вредном влиянии на своих единомышленников и даже единоверцев иметь строжайший надзор, дабы они отнюдь не могли обнаруживать сектаторских своих заблуждений к соблазну других...» [7, л. 43—43 об.]. Одновременно исправник Холуницких заводов потребовал от Омутнинской заводской конторы следующее: «...Вступивших в сводные браки раскольников... не признавать мужьями с названными ими женами, доколе они не освятят браков своих в православной или единоверческой церкви, а между тем иметь наблюдение, дабы они до освящения браков не имели совместного сожития» [7, л. 21—21 об.].

Тем не менее, несмотря на строгие запреты, раскольники по-прежнему предпочитали следовать своим обрядам: только в январе 1848 г. помощник надзирателя Омутнинского завода насчитал 16 «сводных браков» членов поморской общины, в феврале — 10 и т.д. [7, л. 5—16].

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы. В дореформенный период рабочий поселок при Омутнинском чугуноплавильном и железодельном заводе отличался превалированием старообрядцев в конфессиональной структуре населения и в Камско-Вятском регионе являлся одним из центров раскола. Старообрядцы относились здесь к социальной категории крепостных заводских крестьян, первоначально переведенных заводладельцем с иных своих предприятий и сформировавших ядро заводского штата. Омутнинские раскольники принадлежали преимущественно к беспоповщине, более радикальному (по сравнению с австрийским согласием) течению.

В период формирования кадров горнозаводской промышленности на Урале в целом и в Камско-Вятском регионе в частности положение староверов было относительно удовлетворительным: заводчики, нуждавшиеся в рабочей силе, охотно принимали на производство беглых раскольников. А по горному законодательству (например, Проекту горного положения 1806 г., Уставу горному Свода законов Российской империи 1832 г.) все рабочие и служащие предприятий получали положенные льготы (провиант на семью, усадебную землю и ссуду на строительство дома, покосы, пособия вдовам и сиротам, награды отличившимся по службе) независимо от вероисповедания.

Но во время правления Николая I, в русле ужесточения общей государственной политики по отношению к раскольникам и сектантам, их положение ухудшилось и на Омутнинском заводе. Как отмечалось ранее, раскол был представлен здесь главным образом поморской общиной, отвергавшей церковную и светскую власть и потому считавшейся «вредной» (противопоставляющей себя государству и церкви), вследствие чего предпринимались многочисленные меры по ограничению влияния данного вероучения. На старообрядцев воздействовали путем убеждений, бесед, запретов открытых молений и проповедей, вмешательства в семейную жизнь и воспитание детей, смещения с руководящих

должностей, возбуждения судебного дела. Духовенство и заводской исправник строго следили за численностью раскольников, регулярно предоставляя консистории и администрации завода сведения об изменениях в составе общины. Действия властей были направлены на приобщение раскольников к единоверию и православию, но в местах проживания большого числа старообрядцев (в том числе и в Омутнинске) прилагаемые усилия не всегда приводили к необходимому результату: переход в единоверие или православие нередко был формальным, о чем могут свидетельствовать следственные дела об «уклонении» в ересь, и староверы продолжали тайно следовать своим убеждениям.

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН и УрО РАН, проект № 15-13-6-6.

Список использованных источников и литературы

1. Белобородов С. А. «И вскоре раскол здесь необычайно усилился» (к истории старообрядчества Красноуфимского уезда) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 2 (4). С. 86—110.
2. Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал XVII—XX вв. : избранные труды. Екатеринбург : УрО РАН, 2005. 616 с.
3. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 176. Оп. 8. Д. 118.
4. ГАКО. Ф. 237. Оп. 11а. Д. 1309.
5. ГАКО. Ф. 496. Оп. 3. Д. 29.
6. ГАКО. Ф. 496. Оп. 3. Д. 31.
7. ГАКО. Ф. 496. Оп. 3. Д. 35.
8. Голикова С. В. Факторы увеличения числа незаконнорожденных детей на Урале XIX — начала XX в. // Демографические процессы на постсоветском пространстве : сб. материалов VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. А. И. Татаркин, А. И. Кузьмин. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2015. С. 43—50.
9. Данилко Е. С. Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. Уфа : Гилем, 2002. 218 с.
10. Ивонин Ю. М. Старообрядцы и старообрядчество в Удмуртии. Ижевск : Удмуртия, 1973. 24 с.
11. История города Омутнинска и Омутнинского района [Электронный ресурс]. URL: <http://www.0mutninsk.ru/historycity.html>.
12. История и генеалогия села Нижнеиргинское [Электронный ресурс]. URL: http://www.irginsk.ru/?page_id=10.
13. Мангилев П. И. Старообрядчество и крестьянская книжность Южного Урала и Зауралья в XVIII — начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2008. 24 с.
14. Машковцев А. А., Машковцева В. В. Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2015. 219 с.
15. Омутнинский металлургический завод: Краеведческие очерки / А. В. Гунбин, В. А. Корепанов, Н. И. Петренко [и др.]. Ч. 1. Киров : ООО «Орма», 2010. 303 с.
16. Попов Р. Горнозаводской Урал // Отечественные записки. 1874. № 12. С. 299—372.
17. Селивановский М. К. Заметки об Омутнинских горных заводах Н. П. Пастухова // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка : Изд. губерн. стат. ком., 1894. С. 186—217.
18. Старообрядчество: история и культура: библиографический указатель: книги и статьи на русском и иностранных языках (1900—2009). М. : Пашков дом, 2011. 461 с.
19. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X—XX веков. М. : Юридическая литература, 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. С. 160—408.
20. Ульянова Е. А. Семейный быт старообрядцев горнозаводского Урала во второй половине XIX — начале XX в. // Общественное сознание и быт населения горнозаводского Урала (XVIII — начало XX в.) : сб. науч. статей / [редкол. Н. А. Миненко (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2004. С. 164—201.
21. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГАУР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1049.
22. ЦГАУР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1510.
23. ЦГАУР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1172.
24. ЦГАУР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1289.

25. ЦГАУР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1361.
 26. ЦГАУР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1460.
 27. ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 4535.
 28. ЦГАУР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6671.

Поступила в редакцию 31.05.2017

Васина Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
 Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
 E-mail: tatjasch@mail.ru

UDC 94(470.342)“17/18”

T. A. Vasina

**Old Believers of Omutninsk factory in pre-reform Vyatka province
 (late 18th — early 19th centuries)**

The article examines the status of Old Believers in the Russian Empire in the pre-reform period by the example of the Omutninsk private mining factory of the Vyatka province. This factory community was the center of nonconformity in the Kama-Vyatka region, since here the Old Believers prevailed in the population structure. The article focuses on changes in the conditions of life of the Old Believers in Omutninsk in the context of a common confessional and family policy. The study is based on archival documents. The author draws the conclusion that the Old Believers working at the factory belonged to the social category of serf factory peasants and mainly to a more radical sect of the Old Belief which rejected the church's sacraments and refused to pray for the tsar and his family. The situation of the Old Believers was relatively satisfactory in the 18th and early 19th centuries, when the Ural mining industry was being staffed and the owners of the factories needed new labour force. However, cruel state policy of Nicholas I towards the sectarians led to the deterioration in living conditions of Old Believers of the mining department.

Key words: Vyatka province, mining department, mining population, Omutninsk factory, old believers, confessional and family polity.

Vasina Tatyana Anatolyevna, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow
 Udmurt Institute for Research in History, Language, and Literature of Ural Branch of the Russian
 Academy of Sciences
 Russian Federation, 426004, Izhevsk, ul. Lomonosova, 4
 E-mail: tatjasch@mail.ru

References

1. Beloborodov S. A. “I vskore raskol zdes’ neobychaino usililsya” (k istorii staroobryadchestva Krasnoufimskogo uезда) [“Soon the chasm here was unusually strengthened” (to the history of Old Believers of the Krasnoufimsk parish)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, 2012, is. 2 (4), pp. 86—110. (In Russian)
2. Gavrilov D. V. *Gornozavodskii Ural XVII—XX vv.: izbrannye Trudy* [Ural Mining factories of XVII—XX centuries: selected works]. Ekaterinburg, UrO RAN Publ., 2005. 616 p. (In Russian)
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti* [State Archives of the Kirov Region] (GAKO). F. 176. Op. 8. D. 118.
4. GAKO. F. 237. Op. 11a. D. 1309.
5. GAKO. F. 496. Op. 3. D. 29.
6. GAKO. F. 496. Op. 3. D. 31.
7. GAKO. F. 496. Op. 3. D. 35.

8. Golikova S. V. Faktory uvelicheniya chisla nezakonno-rozhdennykh detei na Urale XIX — nachala XX v. [Factors of increasing number of illegitimate children in the Urals of XIX — early XX century]. *Demograficheskie protsessy na postsovetskom prostranstve: sb. materialov VI Ural'skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem* [Demographic processes in the post-Soviet space: collected materials of the VI Ural Demographic Forum with international participation]. Ekaterinburg, In-t ekonomiki UrO RAN Publ., 2015, pp. 43—50. (In Russian)
9. Danilko E. S. *Starobryadchestvo na Yuzhnom Urale: ocherki istorii i traditsionnoi kul'tury* [Old Belief in Southern Urals: Essays on History and Traditional Culture]. Ufa, Gilem Publ., 2002. 218 p. (In Russian)
10. Ivonin Yu. M. *Starobryadtsy i starobryadchestvo v Udmurtii* [Old Believers and Old Belief in Udmurtia]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1973. 24 p. (In Russian)
11. *Istoriya goroda Omutninska i Omutninskogo raiona* [History of Omutninsk city and Omutninsky District]. Available at: <http://www.0mutninsk.ru/historycity.html>. (In Russian)
12. *Istoriya i genealogiya sela Nizhneirginskoe* [History and genealogy of the village Nizhneirginskoye]. Available at: http://www.irginsk.ru/?page_id=10. (In Russian)
13. Mangilev P. I. *Starobryadchestvo i krest'yanskaya knizhnost' Yuzhnogo Urala i Zaural'ya v XVIII — nachale XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Old Belief and peasant book-reading in South Urals and Trans-Urals in the 18th and early 20th centuries. Abstr. Cand. Dis.]. Chelyabinsk, 2008. 24 p. (In Russian)
14. Mashkovtsev A. A., Mashkovtseva V. V. *Starobryadtsy i sektanty Vyatskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka: vzaimootnosheniya s regional'nymi vlastyami i pravoslavnoi tserkov'yu* [Old Believers and sectarians of Vyatka province in the second half of the XIX — early XX century: the relationship with the regional authorities and the Orthodox Church]. Kirov, Raduga-PRESS Publ., 2015. 219 p. (In Russian)
15. Gunbin A. V., Korepanov V. A., Petrenko N. I., Gunbina M., Matveeva E. *Omutninskii metallurgicheskii zavod: Kraevedcheskie ocherki* [Omutninsk Metallurgical Plant: Local History Studies]. Part 1. Kirov, OOO "Orma" Publ., 2010. 303 p. (In Russian)
16. Popov R. Gornozavodskoi Ural [Ural mining factories]. *Otechestvennye zapiski*, 1874, no. 12, pp. 299—372. (In Russian)
17. Selivanovskii M. K. Zametki ob Omutninskikh gornykh zavodakh N. P. Pastukhova [Notes on Omutninsk mining factories by N. P. Pastukhov]. *Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoi gubernii na 1895 god* [Calendar and Memorable Book of Vyatka Province of 1895]. Vyatka, Gubern. stat. kom. Publ., 1894, pp. 186—217. (In Russian)
18. *Starobryadchestvo: istoriya i kul'tura: bibliograficheskii ukazatel': knigi i stat'i na russkom i inostrannykh yazykakh (1900—2009)* [Old Belief: History and Culture: Bibliographic Index: Books and Articles in Russian and Foreign Languages (1900—2009)]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2011. 461 p. (In Russian)
19. Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh [Code of penalties: penal and correctional]. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X—XX vekov* [Russian legislation of X—XX centuries]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1988, vol. 6, pp. 160—408. (In Russian)
20. Ul'yanova E. A. Semeinyi byt starobryadtsev gornozavodskogo Urala vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Family life of Old Believers of the mining Ural in the second half of the XIX — beginning of the XX century]. *Obshchestvennoe soznanie i byt naseleniya gornozavodskogo Urala (XVIII — nachalo XX v.): sb. nauch. statei* [Public consciousness and life of the population of the mining Urals (XVIII — early XX century): collect. of scientific articles]. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii Publ., 2004, pp. 164—201. (In Russian)
21. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki* [Central State Archives of the Udmurt Republic] (TsGAUR). F. 4. Op. 1. D. 1049.
22. TsGAUR. F. 4. Op. 1. D. 1510.
23. TsGAUR. F. 134. Op. 1. D. 1172.
24. TsGAUR. F. 134. Op. 1. D. 1289.
25. TsGAUR. F. 134. Op. 1. D. 1361.
26. TsGAUR. F. 134. Op. 1. D. 1460.
27. TsGAUR. F. 212. Op. 1. D. 4535.
28. TsGAUR. F. 212. Op. 1. D. 6671.